

ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДСТВО
РУССКОЙ
ЭМИГРАЦИИ

РЕД. КОЛЛЕГИЯ:

М. РАЕВ
О. РАЕВСКАЯ-ХЬЮЗ
Н. СТРУВЕ
Л. ФЛЕЙШМАН

Л. ФЛЕЙШМАН
Р. ХЬЮЗ
О. РАЕВСКАЯ-
ХЬЮЗ

РУССКИЙ БЕРЛИН 1921-1923

ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА
Б. И. НИКОЛАЕВСКОГО
В ГУВЕРОВСКОМ ИНСТИТУТЕ

YMCA-PRESS
11, Rue de la Montagne-Ste-Geneviève - 75005 - Paris

⁴ Имажинисты и футуристы были сближены у Яценко в понятии "эпигонов разложившегося символизма" и "скоромошьяго хулиганства".

⁵ Эта справка включена в раздел "Судьба и работы..." в *РК*, № 9, стр. 24 и заимствована хроникой московского журнала *Печать и Революция*, 1922, кн. I, стр. 333.

⁶ Статья Д. Бурлюка "Литература и искусство в Сибири и на Дальнем Востоке (1919–1922 г.) (Заметки и характеристики очевидца)", напечатанная во втором номере *НПК* за 1922 год (стр. 44–48). Ср. отклик на нее в письме редактора владивостокской газеты *Русский Край* М.В. Щербакова к Яценко: "Можем, кстати, указать, что статья Бурлюка о Дальневосточной поэзии и литературе, помещенная в № 2 Вашего журнала в ее части, касающейся Владивостока, вовсе не отражает того, что делается сейчас у нас, т.к. Бурлюк уехал отсюда еще весной 1921 г. и, судя по его письмам к Вам, совершенно не осведомлен о нашей литературной жизни" (Архив Николаевского, № 72, п. 185). Деятельность Бурлюка в 1918–1920 гг. освещена в недавней работе: Felix Philipp Ingold. "Die einzige Kunst der Gegenwart. Eine vergessene Deklaration von David Davidovič Burljuk". *Schweizerische Beiträge zum VII. Internationalen Slavistenkongress in Warschau. August 1973*. Verlag C.J. Bucher, 1973, SS. 51–64; см. также воспоминания П.В. Незнамова "Маяковский в двадцатых годах", в кн. *В. Маяковский в воспоминаниях современников*. М., 1963, стр. 355–356.

⁷ Сборник Д. Бурлюка был объявлен летом 1923 года среди "печатющихся" в издательства Книгоиздательства писателей в Берлине, но из-за внезапного отъезда Г.В. Алексеева в Москву, книга так и не вышла. См. об этом в заметке Д. Бурлюка, опубликованной в журнале *Color and Rhyme*, No 55 (1965), p. 32 ("Судьба стихов Бурлюка в Берлине"): "В 1923 году проживавший в Берлине журналист Глеб Алексеев предложил мне за 100 дол. напечатать в Германии книгу моих стихов 'Беременный мужчина'. Мы послали ему деньги <, > тексты стихов и 28 фотографий – иллюстрации к книге (Бурлюки в Японии). Через год, уже из Москвы, Глеб Алексеев, извиняясь сообщил, что он не мог исполнить обещанное, полученные деньги были им истрачены на переезд на родину. Мы никогда не могли добиться возвращения нам нашего материала". Ср. также: *Color and Rhyme*, No 60 (1965–1966), p. 24 и V. Markov. *Russian Futurism: A History*. Berkeley-Los Angeles, 1968, p. 319. "Печатающимся" сборник Бурлюка "Беременный мужчина" назван в перечне "изданий Кружка пролетарских писателей", в кн.: *В плену небоскребов. Альманах кружка пролетарских писателей в Сев. Америке. (Отдел Всероссийского союза крестьянских писателей)*. Нью-Йорк, 1924, стр. 48.

⁸ Эти книжки впоследствии были изданы М.Н. Бурлюк в Нью-Йорке.

А. М. РЕМИЗОВ (1877–1957)

Переписка с Яценко, начатая Ремизовым в Ревеле, по пути в Берлин, свидетельствует об установлении близких отношений между редактором *НПК* и только что покинувшим Советскую Россию "по беженскому билету" (см.: *РК*, № 9, стр. 30) писателем. Стилистические особенности публикуемых ниже документов соответствуют обычным эпистолярным нормам Ремизова данного периода: это короткие записки, совмещающие разговор о бытовых мелочах, поручениях и просьбах с "обезвельвольпальским" возвеличением адресата или упомянутых в тексте лиц. Другой рефлекс этого последовательного и целеустремленного "увековечивания" даже самых мимолетных житейских контактов – насыщение именами реальных друзей и знакомых самой фантастической фабулы и абсурдного контекста (такова, в частности, и функция появления А.С. Яценко в *Взвухренной Русе*). О месте Обезвельвольпала в ремизовской картине мира см. появившиеся в последнее время работы: С.С. Гречишкин. "Архив А.М. Ремизова", *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 год*. Л., 1977 и Л.С. Флейшман. "Из комментариев к Кукхе. Конкретор Обезвельвольпала", *Slavica Hierosolymitana*, I (1977). Яценко и А.М. и С.П. Ремизовы, в числе других, явились инициаторами создания Дома Искусств в Берлине в ноябре 1921 г. Статья Ремизова "Крюк", описывающая литературную жизнь Петрограда, стала одним из наиболее принципиальных литературно-критических выступлений журнала Яценко.

См. также: Н. Sinany. *Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov*. Paris, 1978; Horst Lampl. "Bemerkungen und Ergänzungen zur Bibliographie A. M. Remizovs". *Wiener Slavistischer Almanach*, B. 2 (1978), SS. 301–326. О Берлине у Ремизова см. "Кишмиш" в кн. *Мышкина дудочка*. Париж, 1953, стр. 159–166, а также *Взвухренная Русь*. Париж, 1927 и *По карнизам*. Белград, 1929.

1

Reval, Poskastr. 15
Alexei Remisow.

Александр Семенович!

о визе в Берлин просим Вас¹ (и я и Серафима Павловна) и о пристанище в Берлине. Напишите мне в Ревель.

Достал "Русскую книгу". Надо сделать исправления в отд<еле> "Писатели".²

Я это сделаю вам как только попадем в Берлин.

Напишите мне адрес Толстого.

Алексей Ремизов.

27.VIII.1921

2

Профессору и кавал<еру> обез<ьяньего> зн<ака>
А<лександр> С<еменович> Яценко.
из Обезвелволпал<а> князь обез<ьяний> и б<ыв-
ший> канц<елярист>

были

завтра зайдем

не успел переписать³

по случаю взятия ванны

А. Р.

1) Как зовут Фондаминского?⁴

2) Как мое звание?⁵

18.X.1921

3

6. XII. 1921

Wilhelm 25—31

Незабвенный профессор!

Очень прошу корректуру Крюка:

я пропустил имя одного писателя, вставлю, а к имени Кузмина сделаю примечание и еще одну поправку однословную разъясняющую. Не забудьте же, очень, очень прошу.⁶

Напишите хоть несколько слов о А.Я.Билибине. Теперь вспоминаю ясно, он погиб от сып<ного> тифа в феврале 1919 в Рязанской губ<ернии> (между прочим, по настоящему надо писать: Белибин — от слова das Belieben — желание.)⁷

Алексей Рем<изов>.

Все авторы писем — дамы — вам кланяются.

166

4

Herrn Prof. Jaschenko
Joachimsthalerstr. 39—40
bei Boshwits
Berlin

17. XII <1921>, суббота

Дорогой профессор и добрая незлобивая душа Александр Семенович!

Очень прошу вас, распорядитесь послать Р<усскую> К<нигу> № 9 München, Bauerstr. 26, Frau F. Frisch — это переводчица моих Крестовых сестер, муж которой Е. Frisch редактирует Der neue Merkur.

Послать надо немедленно.⁸ Если же нельзя, то дайте Мише (Микитову) и я это сделаю и еще дайте мне экземпляр № 9. Я письмо к Вам⁹ хочу перепечатать в маленькой моей книге, где будет о Блоке. Очень прошу Вас. "Р<усская> К<нига>" № 9 нужна Frisch для примечаний к переводу моей "памяти Блока".¹⁰

Charlottenburg 1

Kirchstr. 2II

Очень прошу сообщить, когда будет у вас сборник Дома Литераторов, где мое о Достоевск<ом>.¹¹

5

Alexei Remizow

Charlottenburg 1

Kirchstr. 2II, bei Delion

Fernruf Wilhelm 25—31

27. XII: 1921

Дорогой профессор,
Книги, ваши удалось отобрать с помощью обезвелволпал<а>, но такой уж обычай у колядовщиков, издревле идущий, и не было еще случая, чтобы после колядования все было цело у гостеприимного хозяина.

167

Поступила жалоба от Каплуна¹²: после нашего с вами нашествия обнаружена пропaja: отобран зеленый шерстяной шарф у Андрея Белого, пропали перчатки у Серафимы Павловны, у меня — белка (маленькая такая белочка). Посмотрите, пожалуйста, *нет ли у Вас* хотя бы моей белки?

На новый год нагрjнем к вам щедровать и уж с вами пойдем по дворам дальше.

<надпись на конверте:>

Товарищу
Колядовщику
и гостеприимному хозяину колядовщиков
профессору
Александру Семеновичу
Яценке
из колядовской секции обезвельволпала
пишет б<ывший> канцелярист.

6

Профессору А.С. Яценко

Дорогой профессор!

Посылаю Вам 250 М. прошу выдайте т. Кирееву¹³ 3 фотограф<ических> снимка — различных — для меня.

Алексей Ремизов.

Не смущайтесь моей подписью (кнопка в палец вошла) и пишу тремя кукишами.

16. II. 1922

7

24. II. 1922

Дорогой профессор!

Просит "Алконост" Самуил Миронович Алянский¹⁴
Петербург, Знаменская 22, кв. 3
Заведующему изд<ательством> Алконост
Самуилу Мироновичу Алянскому

просит высылать НО<вую>РУ<сскую>К<нигу> 2 экз<емпляра> кажд<ого> №^а в обмен на издания Алконоста.

Советует посылать *простой* бандеролью.

Он посылает с проф. А.П.Пинкевичем¹⁵ № 5 ЗАП<исок> МЕЧТ<ателей> и будет впредь все посылать.

Отберите (кальсоны?) у Пильняка — "подарок проф. А.С. Яценки в Берлине". Они ему не налезают.

А. Р.

8

Алексей Ремизов

Дорогой и незабвенный профессор.

Посылаю Вам письмо Аросева.¹⁶

В пятницу приходите в "ДомИск<усств>"

В трудах отшельнических живу
да и напасти всякие.

Третий номерок Книги прошу и карточки (деньги ношу с позапрошлой пятницы)

8. V. 1922

Вот и весны дождалась!

9

10. VI. 1922

Дорогой профессор

прошу о 4 книге "Р<усской>К<ниги>"

передаст художник Sergius Zaischupin,¹⁷

которому и доверяю получить.

Алексей Ремизов.

<на обороте листка:>

Проф. А. С. Яценко

через посла обезьяньего S. Zaischupin'a
из Affenrat'a Charlottenburg

11. VI. 1922

Дорогой профессор
о делах моих за время с 1918—1921 подробно напечатано в
Русс<кой> Кн<иге> №9, 1921, в вашей же редакции
Алексей Ремизов.

К исправл<ениям> в Нов<ой> Рус<ской> Кн<иге> № 4, 1922
стр. 35
напеч<атано>
Фаддей Феликсович Зелинский
надо
Францевич

11

14. 9. 22
Дорогой Александр Семенович.
Ваш телефонный разговор непонятен, сливается, глушится и прерывается. Очень Вас прошу, пришлите мне №6 и №7 Новой Рус<ской> Кн<иги> не видел этих №№, только по газетам слышал!
(Я поручал зайти к Вам т. Кирееву, но ему некогда — один остался)
А. Ремизов.

12

24. 10. 22
Дорогой Александр Семенович!
Из простуды не выхожу и потому нигде не бываю.
Болящему! пришлите 8 книгу Н<овой> Рус<ской> Книги.
Нет у меня никого, кого бы послать к Вам, все обезьяны служки поразъехались.

Mönchs Likör Kantorowischt — в Одессе, Matheus Müller Sek — в Москве¹⁸, Dr. Kireew : из Zwoverson'a¹⁹ — в Париже Волк Волкович (Иллисон)²⁰ несчастный помер в санатории в Sommerfeld'e

НЕ ПОЗАБЫВАЙТЕ МЕНЯ.

13

Профессору Яценке Александру Семеновичу
Прошу послать Нов<ую> Русс<кую> Кн<игу> и записать
адреса на будущее время

1. Издательство > Алконост Самуилу Мионовичу Алянскому
Знаменская, 22 кв. 3 Петербург

2. Мих<аилу> Алексеевичу Дьяконову²¹ Herrn M. A. Diakonow
Hôtel Boulevard, 35
Kristiania, Norwegen

2 экз<емпляра> (это для Госизд<ата> Петербург<ско-
го> Отд<ела>)

3. Фега Евсеевне Фриш для Der neue Merkur
Frau Fega Frisch
Bauerstr. 26
München

4. Ефиму Яковлевичу Белицкому для кн<иги> издательств<а>
"Эпоха"²² Мойка, 11 кв. 9
Петербург

Алексей Ремизов

КОММЕНТАРИИ

¹⁸ Ср.: РК, № 7—8, стр. 26; ср. также Руль, № 239, 31 (18) августа 1921 (извещение о выезде Ремизова из Петрограда).

²² В № 6 РК помещены справки об А. В. Амфитеатрове, А. А. Ахматовой, А. А. Блоке, Н. С. Гумилеве и других петербургских литераторах.

³ Эта записка сопровождала передачу в редакцию двух ремизовских писем "Редактору *Русской Книги*" (датированы: Берлин, 18.X. 1921). Они напечатаны в *РК*, № 9, стр. 22 и хранятся среди остальных писем к Яценко в архиве Николаевского. Первое из этих писем – благодарность журналу от имени живущих в Советской России "книжников"; второе – ответ на обвинения Мережковского по адресу З.И.Гржебина. В этом же девятом номере *РК* в разделе "Судьба и работы..." помещена пространная автобиографическая заметка Ремизова (стр. 29–30).

⁴ Ремизов вступил в переписку с И.И.Фондаминским в связи с предстоящими публикациями в *Современных Записках* (№ 9, март 1922).

⁵ Этой запиской Яценко был включен в Обезвельволпал.

⁶ *НРК*, 1922, № 1, стр. 6–10; Ср. Алексей Ремизов. *Ахру. Повесть петербургская*. Берлин, изд. З.И.Гржебина, 1922, стр. 29–44.

⁷ См. примечания к письмам В.П.Белкина к А.С.Яценко в наст. томе. Это желание Ремизова журналом Яценко выполнено не было.

⁸ А.Ремизов. "Огненная Россия", в сб. *Пушкин. Достоевский*. Пб., издание Дома Литераторов, 1921. См. рецензию Е.А.Ляцкого в *НРК*, 1922, № 4, стр. 16–17.

⁹ Фега Евсеевна Фриш (1878–1964) и Эфраим Фриш (1873–1942). См. о них: *Slavica Hierosolymitana*, vol. IV (1979), pp. 256:257. Перевод "Крестовых сестер" вышел в 1913 г.

¹⁰ "Крюк. Память петербургская". (см. выше, примеч. 6; немецкий перевод Ф.Фриш напечатан в пражской газете *Prager Presse*, Nr. 78, 19 марта 1922).

¹¹ См.: A. Remisow. "Aus dem flammenden Russland zu den Sternen. Alexandr Block zum Gedächtnis". *Der neue Merkur*. 5 Jg., Heft 10, SS. 686–698.

¹² Соломон Германович Каплун (Сумский) – заведующий издательством "Эпоха" в Берлине, до революции – сотрудник *Киевской Мысли*, в Берлине – активный работник социал-демократической партии (меньшевиков), регулярно выступал в *Социалистическом Вестнике* и *Днях*; позднее переехал в Париж и работал в *Последних Новостях*. Умер в конце 1940 г. (см. некролог Г.А.<ронсона> в *Социалистическом Вестнике*, № 3 (468), 10 февраля 1941, стр. 40). В первом номере *НРК* за 1922 г. помещена его рецензия об *Anno Domini* Ахматовой.

¹³ Знакомый А.М.Ремизова, позднее студент Католического университета в Лувене (справка Н.В.Резниковой). См. о нем во "Всеобщем восстании" (*Эпопея*, 2, 1922, сентябрь, стр. 85), а также в "хроникаль-

ной заметке" Саркофагского (А.М.Ремизова) "Из жизни художников в Берлине", газ. *Голос России*, № 1079, 8 октября 1922.

¹⁴ С.М.Алянский (1891–1974), автор известных мемуаров о Блоке, владелец петроградского издательства "Алконост". См. о нем: С.В.Белов. *Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С.М.Алянского*. Л., 1979.

¹⁵ Альберт Петрович Пинкевич (1883–1939), профессор-геолог, друг М.Горького (см. его воспоминания в сборнике *Горький и Наука. Статьи, речи, письма, воспоминания*. М., 1964, стр. 249–251). Был заместителем Горького в Петроградской комиссии по улучшению быта ученых (см. о ней: З.Г.Минц. "А.М.Горький и КУБУ", *Труды по русской и славянской филологии*. XIII. *Горьковский сборник*. Тарту, 1968, стр. 170–250). Ср. свидетельство Ремизова: "С 15 окт. 1920 г. заступлением Горького <я> был зачислен на ученый (академический паек при "Доме ученых" вместе с Сологубом, Кузминым, Блоком и Гумилевым" (*РК*, № 9, стр. 30). В начале 1922 г. А.П.Пинкевич был командирован в Берлин (см.: *НРК*, 1922, № 3, стр. 39).

¹⁶ С этой запиской Ремизов передал следующее письмо Аросева, сопроводив его собственными приписками (красными чернилами) и глаголической надписью *обезвельволпал*, удостоверяющей принадлежность Аросева к Ордену:

*Аросев Александр Яковлевич, Рига,
Альбертовская, 11.*

В редакцию "Новой русской книги"

В № 2 "Новой русской книги" имеются сведения обо мне и между прочим приведен мой рижский адрес: Альбертовская, 13. Это не верно, т.к. я проживаю на Альбертовской 11. Об этом, разумеется, не стоило бы и упоминать, если бы, к моему величайшему сожалению, на Альбертовской, 13 (тринадцать) не помещалась так называемая Политическая Охрана Латвийского Министерства Внутренних дел.

Примите уверение в совершенном почтении
Ал. Аросев.
Рига, 21/IV 22

*Получ. 8 V 1922
понед.
ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ
Charlottenburg
Affenrat.
Canc.*

(Подчеркивания и приписки Ремизова выделены у нас курсивом; глаголическая ремарка – переведена на кириллицу и выделена жирным

шрифтом). Записка эта откликается на справку, напечатанную в *НРК*, 1922, № 2, стр. 34: "Ал-др Яковл. Аросев, молодой писатель, коммунист, сотрудник "Красной Нови", живет в Риге (Альбертовская, 13). Написал повесть "Страда" и ряд рассказов о революции" (Ср. справку об Аросеве в хронике *Литературного приложения к "Накануне"*, № 2, 7 мая 1922, стр. 12).

А.Я.Аросев (1890–1938) – советский прозаик, дебютировал как беллетрист в 1921 г. Один из активных деятелей русского революционного движения, начавший свою деятельность в рядах партии социалистов-революционеров, а в 1907 году перешедший в большевистскую фракцию РСДРП. Член Военно-революционного комитета в Москве во время Октябрьского переворота. С начала 20-х годов – на дипломатической работе (с осени 1922 – секретарь советского посольства в Риге). В 1936 году, в качестве председателя Всесоюзного Общества культурных связей за границей, выехал в составе советской делегации, вместе с Н.И.Бухариным и Адоратским, в Париж, где вел переговоры с Б.И.Николаевским о приобретении архивов германской социал-демократической партии. Был арестован и погиб во время "большого террора".

Ценный отзыв о беллетристических произведениях Аросева, посвященных революции, содержится в статье Г.Г-ова <Б.И.Николаевского> "Возрождение толстого журнала" (*НРК*, 1923, № 1, стр. 11–12): "Попытки эти очень интересны <...>, но интерес к ним носит не столько литературный характер, сколько, я бы сказал, этнографический. С точки зрения литературной произведения не сильны". Ср. с ним отзыв в статье Николая Ашукина "Современность в литературе": "Интересны рассказы А.Аросева, напечатанные в журнале "Красная Новь". Но они интересны не столько литературно, сколько как документы революционного быта и психологии. Автор рассказов коммунист и хорошо знает изображаемую им среду. Но рассказы как будто написаны наспех, между делом, и только местами на некоторых страницах есть художественная образность и острота". (*НРК*, 1922, № 6, стр. 6).

¹⁷ Художник С.М.Залшупин упоминается в указанной выше заметке Саркофагского.

¹⁸ Марки напитков. Орфография Ремизова нами соблюдена.

¹⁹ Отчет о деятельности "нового философского общества, возникшего в противовес эмигрантской Вольфиле, под названием Цвофирзон" помещен в пародийной заметке Саркофагского в *Голосе России*, № 1079, 8 октября 1922 ("Из жизни художников в Берлине"). Ср. упоминание о "пятимерной интермедии" под названием "Цво-фир-зон" в объявлении о вечере Ремизова в Клубе писателей 2 мая 1923 года (газ. *Дни*, № 151, 29 апреля 1923 г., ср. *НРК*, 1923, № 5–6, стр. 43).

²⁰ О Леониде Ивановиче Иллисоне см.: *НРК*, № 1, стр. 41.

²¹ О М.А.Дьяконове см. в комментариях к письмам К.А.Федина в наст. томе.

²² Руководитель петербургского издательства.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Мы публикуем ниже сохранившуюся в верстке среди редакционных материалов *НРК* в архиве Николаевского статью Ремизова. Она, очевидно, предполагалась к напечатанию в седьмом (невьшедшем) номере *НРК* за 1923 г. По содержанию она частично дублируется в других автобиографических статьях Ремизова середины 20-х годов: "Алексей Ремизов о себе", *Россия*, № 6, 1923, стр. 25–27; "Алексей Ремизов" <Автобиография> в книге *Литературная Россия. Сборник современной русской прозы*. Под ред. Вл. Лидина. М., 1924, стр. 27–35.

Фамилия мою *Ремизов* надо произносить с ударением на "е", а не на "и": "Ремизов" происходит не от глагола *remette* (*remis*), а от колядной птицы *ремеза*, о которой в колядках, древних святочных песнях, сложен стих (А.А.Потебня, *Объяснения малорусских и сродных народных песен*. Варшава, 1887).

Тут же меня и по-другому кличут:

одни – *Remersdorf* (Kalenderdichter Lukas Remersdorf aus Tiergarten!), другие это те, что меня за китайца признают, те просто – *Remiso*.

Оттого, должно быть, что родился я в Купальскую ночь (*Johannisnacht*), когда в полночь цветет папоротник и вся нечисть лесная, водяная и воздушная собирается в купальский хоровод скакать и кружиться, и бывает особенно буйна и громка, я почувствовал в себе глаз на этих лесных, водяных и воздушных духов и две книги мои *Посолонь* и *К морю-Океану* в сущности рассказы о знакомых и приятелях моих из мира невидимого – "чертячьего".

Глаз мой, обращенный к таинственному в жизни природы, открыл мне таинственное же и волшебное в жизни человеческой – так вышла книга волшебных историй *Зга* ("Зга" – слово санскритское, означает "тропка"). Некоторые рассказы из этой книги переведены на немецкий: *Prinzessin Myrma*, *Novellen und Träume*. Gustav Kiepenheuer Verlag, 1917. Deutsch

von Alexander Eliasberg. Рассказ "Gottesurteil". Übersetzt von A. Eliasberg. Neue Russische Erzähler. Furcht-Verlag, Berlin 1922.

А проникнув еще глубже, этот глаз мой вывел меня за дневную явь в мир сновидений — в пространство многомерное, так вышла книга снов *Бедовая доля*. По-немецки небольшая часть из этой книги входит в *Prinzessin Myrma*.

*

Назвали меня Алексеем — именем Алексея Божия человека — странника римского. И вот нечаянно-негаданно судьба дала мне в руки посох и в ранней молодости странствие по свету выпало мне на долю. В книге *Баранки* (да это не те баранки, что к чаю, это другие — такие наручники, которыми арестант к арестанту приковывается, чтобы не разбежались!) собраны рассказы из тюремной жизни и ссылки — наблюдения страннических лет. Сюда же относится и *Бык-Корова* — тюремная эпопея.

Назвав именем римского странника, окрестили меня в честь Алексея митрополита московского, причисленного благодарной памятью народной к лику святых-чудотворцев за великие заслуги перед Россией во времена татарского ига (XIV в.). И по ангелу своему — так по-русски называется святой, имя которого носит человек — завет: Россия — есть завет мой первый и дума завещанная.

В книге *Огненная Россия* я сказал мое погребальное слово старой отшедшей России, благословляя поднимающуюся на месте разрушенном новую — Россию новую.

В книге *Русские женщины* представил сказками образ женской России — матери, сестры, невесты — сорок и три образа. По-немецки: *Russische Frauen*. Dem Volksmunde nacherzählt. Übertragen von Alexander Eliasberg. Drei-Masken-Verlag. München, 1923.

В книге *Русская вера* рассказал в легендах — 25 сказа — о русской вере в русского народного бога — Николу. По-немецки *Russische Glaube*, Orchis-Verlag, München. В переводе А. Элиасберга. (Печатается.)

В книге *Докука и балагурье* выразил в сказках — 66 сказок — народную мудрость и юмор.

В книге *Русские повести* — любимые народные сказания о святых и чертях по преимуществу. По-немецки некоторые повести в книге *Legenden und Geschichten*. Kurt Wolff Verlag. "Der jüngste Tag", Bd. 60-61. Übertragung von Arthur Luther. Кроме того: "Russische Legenden". Übertragen von Reinhold von Walter. *Die neue Rundschau*. 1922, Siebentes Heft.

*

Воспитание получил я строго-религиозное и это дало мне возможность узнать близко всю обрядовую сторону русского православия, а хождения по монастырям "на богомолье" — быт монастырский, странников-убогих и душу народной веры, сказавшуюся в отреченных (не канонических) легендах — апокрифах.

Так вышла моя книга *Цепь золотая — Страды мира* — книга золотых легенд о страстях всей твари от звезды до человека, — книга самоцветного света, веры и мудрости. По-немецки: *Die Goldene Kette — Weltpassionen*. Pflüger Verlag, München. В переводе Gert. Hahn (Печатается). "Die Wanderung der Muttergottes durch das Reich der Qualen". Deutsch von N. S. und R. K. *Die neue Rundschau*. 1922, Zwölftes Heft. К этой книге примыкает *Трава — Мурава* — легенды царградские. Одна из легенд, "Царь Соломон", распространенная и дополненная, выходит по-немецки в переводе Александра Элиасберга с рисунками Натана Альтмана в Orchis Verlag. München. А из бытовых — *Бесприютная*, повесть монастырская. И два свитка (иначе не знаю как назвать): *Пляс Ироды* и "Гнев Илии Пророка", в основу которых положены легенды и византийские и латинские, от московской приметы до Каталонского предания — наука акад. А.Н.Веселовского.

Учился я в Московском университете на естественном отделении физико-математического факультета и одновременно слушал Ключевского — историю, Чупрова — политическую экономию, Янжула — финансовое право.

Хотел все науки пройти и все знать.

Философию же начал изучать еще в училище, пользуясь указаниями проф. Н.А.Зверева.

Как память пристрастия моего философского осталось слово мое *Электрон*, от слов *Гераклита Ефесского* (входит в книгу *Огненная Россия*) и перевод книги Леклера, К монистической гносеологии.

Наукам археологическим научила меня жена моя С.П.Ремизова-Довгелло, и это дало мне возможность написать книгу *Россия в письменах*, в которой затеял я представить Россию по обрывкам и осколкам ее памятников.

И это не историческое ученое сочинение, а новая форма повествования, где действующим лицом является не отдельный человек, а целая страна, время же действия — века.

*

С детства пристрастился я к театру.

Религиозные процессии — крестные ходы — большое архиерейское служение представляли зрелище большого всенародного действия.

А в театре начал я с балета с "Конька-горбунка" и очень понравилось. А уж потом проник к драме и особенно поразил меня Шекспир.

Греческий театр и средневековый любимые книги.

Так вышли три мои действия, в основу которых положена песенная легенда — духовный стих. Эти три действия *Бесовское тридействие* надо рассматривать неразрывно, как одно большое действие: *Бесовское действие* — начало хаотическое (бесы неорганизованы — хвосты, рога, хоботы), *Трагедия о Иуде* — начало человеческое (бесы только замаскированы), *Егорий Храбрый* — начало хоровое (бесы организованы), *Бесовское действие* переведено на французский "L'Office des Diabtes". Traduction de M. et M-me G. Pitoëff et de M-me J. Bucher. *La Revue de Genève*. Nr. 29, Novembre 1922.

Бесовское действие было поставлено у В.Ф.Комиссаржевской в Петербурге. *Трагедия о Иуде* — в Москве у Ф.Ф.Комис-

саржевского и в "Театральной мастерской" в Петербурге б. Ростовским театром, во главе которого стоял режисёр П.Вейсбрём. *Егорий Храбрый* планировался П.П.Гайдебуровым для Передвижного Театра, но осуществить не пришлось и опера В. А.Сенилова на *Егория Храброго* не ставилась. По-чешски *Бесовское действие* (Satanské mysterium) в переводе Н.Папоушковой-Мельниковой принято к постановке в Национальном Театре в Праге.

Отдельно от этого Бесовского тридействия стоит *Царь Максимилиан*, написанный по записям народных представлений "Царя Максимилиана", и по форме своей — единственный.

Царя Максимилиана ставили в Петербурге в б. Доме Просвещения на Лиговке, разыгрывался он железнодорожными рабочими и моими учениками красноармейцами из Толмачевского университета под гармонью. Постановка режиссера Н.А.Лебедева.

Увлечение балетом внушило мне большое музыкально-плясовое действие — *Русалию*. Так произошли три русалии: "Алалей и Лейла", "Ясня", "Гори-цвет" ("Красочки").

К "Алалею и Лейле" музыка задумана была А.К.Лядовым, но после его смерти ничего не нашли, "Ясня" готовилась с О.О.Преображенской, но и режиссера А.П.Зонова и меня посадили в госпиталь на испытание и все расстроилось, "Гори-цвет" ("Красочки") с музыкой Гречанинова ставили в Детском Театре в Москве, постановка Г.М.Паскар, есть и еще музыка Г.Л.Ловцкого на "Гори-цвет", но публично нигде не исполнялась. Из "Алалея и Лейлы" Анатолием Канкаровичем написана музыка на весеннюю песню ("К нам! торопитесь весенние ветры"...), и много раз прошла на петербургских вечерах весной 1920 г. в бесподобном исполнении Ив.В.Ершова, пожалованного Обезьяньей великой и вольной палатой в певцы обезвельволпала, — те, кто слышал, на всю жизнь не забудет: ведь это Россия пропела тогда свою первую весеннюю песню!

К театру всегда влекло. Перевел несколько пьес: Метерлинка, Рашильд, Андре Жида, Иоганна Шляфа и Граббе. И из

всех мне ближе Граббе — Christian Dietrich von Grabbe! — мой перевод его "Шутки-сатиры-комедии" был запрещен цензурой и рукопись пропала и ни Вл. Вас. Гиппиус, ни Е.Ф.Книпович, сколько не старались, а найти не могли.

Первая изданная книга моя — перевод мой в сотрудничестве с Вс. Мейерхольдом и Ю.Балтрушайтисом книги А.Роде, Гауптман и Ницше. Москва, 1902.

В период *Опыта* (с 1918 по июль 1921 г.) служил в ТЕО, потом в ПТО в Петербурге по репертуару.

Итог моей службы — книга о театре и книга *Крашенные рыльа*.

*

Происхождение мое, выражаясь по-анкетному, самое буржуазное: из богатой купеческой семьи и по отцу и по матери. Оба московские. (Мать — кореня володимирского из села Батыева Суздальского уезда; отец — тульский из села Алитова Алексинского уезда.) Но благами богатой семьи не суждено мне было пользоваться. По всяким семейным обстоятельствам: и отец помер, когда мне и шести годов не было, и семья большая, — все сошлось неблагоприятно, и с ранних лет самостоятельно я начал свою жизнь.

Раннее детство мое прошло около фабрики в кругу фабричных и просто бродячих, так называемых, уличных мальчишек, к которым и я принадлежал.

Я был самый младший.

Многие из тогдашних моих рано погибли.

Меня "оберегла" (от слова "оберег" — заговор, заклятие) книга.

Жгучую память сохраняю о Достоевском — первой прочитанной книге, которому посвящено в моей *Огненной России* слово.

Учусь и учился у Гоголя, его глазу, его подвижничеству и терпению.

Вот несколько строчек из "Невского проспекта", как изображать надо и что меня очень поразило:

"нет, это фонарь обманчивым светом своим выразил на лице ее подобие улыбки; нет, это собствен-

ные мечты его смеются над ним. Но дыхание занялось в его груди, все в нем обратилось в неопределенный трепет, все чувства его горели и все перед ним окунулось каким-то туманом; тротуар несся под ним, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мост растягивался и ломался на своей арке, дом стоял крышею вниз, будка валилась к нему навстречу; и алебарда часового, вместе с золотыми словами вывески и нарисованными ножницами, блестела на самой реснице его глаз."

Люблю Лескова — его "потрясателей основ", "пищепитание", но не апокрифы (я говорю только о стиле!), ритм которых чересчур доступен, чуть-чуть и — Мельников-Печерский, а Мельников-Печерский, это чего уж никак не нужно (ритм! ритм!).

Из незаслуженно забытых — некоторые рассказы Николая Вас. Успенского, изумительного рассказчика и жесточайшего Мопассана, страницы Слепцова, Левитова.

Завидна была воздушная проза Пушкина и игольчатая Лермонтова. Но Пушкин — ангел, а Лермонтов — демон, а я не ангел и не демон, я только — "б. канцелярист обезвельволпала".

Мне представлялось так:

к Гоголю тропа — надо взять на себя великий подвиг;

к Достоевскому — надо душу измять;

к Лескову — блоху подковать;

а в "разряд изящной словесности"

Пушкин и Лермонтов, придавленные сапожищем Льва Толстого, — "изящный" отпис или, если хотите, отписк, это и есть наш классический "академический" стиль с правдоподобнейшим описанием природы — разряд изящной словесности!

"Нет, всякую ночь буду отлетать на болото и высиживать там цаплины яйца: из них выйдет жар-птица!" (Из Лескова).

Так в "изящный" разряд и не попал.

Любимыми писателями, которых читал всегда, назову умершего в 1919 г. в России русского философа В.В.Розанова и ныне живущего в Париже Льва Шестова. С обоими судьба

светла: с В.В.Розановым в Петербурге в 1905 г., с Шестовым в Киеве в 1904-м.

Московский фабричный и уличный быт дал материал для моего первого романа *Пруд*. А скитания по провинциальным глухим городам России помогли написать мне *Часы*, *Пятую язву* и повесть *Неуёмный бубен*.

Петербург представлен в романе *Крестовые сестры* (на немецком: *Die Schwester im Kreuz*. München, bei Georg Müller, 1913. Übersetzung von Fega Frisch). Из петербургской жизни и повесть *Корявка* и *Глаголица* и роман *Ров львиный*.

"Ров львиный" замыкает предыдущие романы — *Пруд*, *Часы*, *Крестовые сестры* и *Пятую язву*, как *Действо о Егории Храбром* разрешает два первые действия *"Бесовского тридействия"* — *"Бесовское действие"* и *"Трагедию о Иуде"*.

К разрешающим относится и книга рассказов *Вереница* — книга о свете человеческом. (По-немецки один рассказ: *Die Wilden*". Übersetzt von Johannes von Günter. Russische Tiergeschichten. Drei-Masken-Verlag, München, 1923.)

*

В романах основной вопрос о судьбе, о человеке и о мире: о человеке к человеку и о человеке к миру.

— Что есть человек человеку?

— Человек человеку бревно — человек человеку подлец — человек человеку дух утешитель.

— Человек в вечном круге хорошего мира — вечная борьба человека с мировым хором за свой голос и действие.

— А над всем судьба что ли.

Способ описания душевных движений (действие человека в человеке) — трагический — *хоровой*.

*

Отдельно стоит повесть моя *В поле блакитном* — первая часть большого повествования о женской трагической душе; начало второй части — *Доля*.

Глава из книги "В поле блакитном" по-немецки: "Jugend",

aus dem Werke "Im blauen Felde". Übersetzung von Fega Frisch. *Der neue Merkur*. Mai, 1922.

Отдельно же стоят *Заветные сказы* — первый опыт для создания Русского Декамерона.

Революция 1905 года выражена в повести *Петушок* и в некоторых рассказах в книге *Баранки*.

Канун революции 1917 года в книге *Мара*.

Революционный период 1917—1921 до Непа — в летописной повести моей *Всеобщее восстание*. *Временник Алексея Ремизова*, первая часть которого — "От Аза до Ижицы" закончена, также и в книге рассказов *Шумы города* (По-немецки один рассказ "Das Fräulein in den Kreuzen." Übersetzung von Berta Schiratzky. *Berliner Börsen-Courier*.

1922, № 603 и "Das Mädchen von den Kresty". Übersetzung von Fega Frisch. *Der Basilisk. Sonntagsbeilage der National-Zeitung*. Basel. № 34, 1922. На французский переводит М. Гиршвальд) и в книге *Ахру* — повести петербургской. Из этой *Ахру* по-немецки: "Aus dem flammenden Russland zu den Sternen, Alexander Block zum Gedächtnis." Übersetzt von Fega Frisch. *Der neue Merkur*. Januar, 1922; "Der Hacken". Übertragen von Fega Frisch. *Prager Presse*, 1922, Nr. 78.

К большому моему горю черновые записи рассказов за эти годы, слова и сны — все пропало. И восстановить в памяти, боюсь, не выйдет.

А много было чего собрано — в обрывышках, только мне понятных, — и чудесного и чудодейственного.

*

В эти годы в России возникало много больших мировых (планетарных) задач — ведь никогда так ярко не горела мечта человека о свободном человеческом царстве на земле, как в России в эти годы.

А мечты были подлинно головокружительные до электрофикации —

до электрофикации *ада!*

Электрофицировать преисподнюю, тьму кромешную, вы понимаете?

*

По Литейному, помню, с Шкловским шли мы с Вечера и эта моя мысль электрическая встрепенула его.

— Из - воз - чик!!! — как крикнет он вдруг на весь на Литейный, точно автомобильная шина лопнула.

А кони давно все пали,
А падлое мясо — синюю конину поели,
А съел кто, давно помер,
А покойников с электрическими лампочками
— Страх заставный! —
Всех переловили.

Мне пришло на мысль выразить русским голосом — самым в мире свободным и громким по мечте своей — голос народов всего мира,

народов отверженных, "диких", затесненных,
обиженных, погибающих и погибших.

Пусть прозвучит *по - русски* их заветное на всеобщем суде!

Это в роде как на старинных фресках, сохранившихся в старых русских соборах, (о диковинных открытиях за эти годы см. П.П. Муратов в "Соврем<енных> Зап<исках>" 1923, XIV), в "Страшном суде", когда олицетворенные выходят целые страны и народы — "литва", "русь", "арапы" — и говорят о себе — из уст ленточка и надпись на ней:

свое последнее слово.

Мне удалось положить лишь маленькие камушки — сказ сибирский, сказ кавказский, сказ тибетский; *Чак х чыгыстаасу, Лалазар, Ё.*

*

Печататься я начал с 1902 года.

В 1902 г. издан мой перевод о Гауптмане и Ничше (изд. В.М. Саблина, М., 1902), свои же книги начал издавать с 1907.

С 1907 по 1920 издано было в России 36 моих книг и 5 переводных — и все эти книги разошлись.

И не осталось у меня полного комплекта — и до чего страшно то бывает силен! — взял один да все и сжег: 36 и 5 — 41 книгу!

В новой редакции "шарлоттенбургской" и систематизированные издаются книги мои понемногу в Германии.

В конце лета 1921 г. по невыносимой головной боли, от которой последний год петербургский много мучился, вынужден был временно уехать из России.

А в России осталось — в Москве в Замоскворечьи в Толмачевском переулке, где я родился, в Третьяковской галерее стоит деревянный истукан работы Анны Семеновны Голубкиной.

Пользуясь гостеприимством Германии, поселились мы сперва в Шарлоттенбурге, где прожили до полутора года, теперь между Tiergarten'ом и Alt Moabit'ом, где по субботам и в воскресенье такой в церквах звон подымается, не знаешь —

ли ты в Москве,
ли ты в Берлине.

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ.

Berlin

12. 5. 23

Мои книги — шарлоттенбургская редакция; со звездочками неизданные.

Пруд. Роман.*

Часы. Роман.*

Крестовые сестры. Изд. З.И. Гржебина. Б. 1923.

Пятая язва. Изд. З.И. Гржебина. Б. 1922.

Ров львиный. Роман.*

Повесть о Стратилатове (Неуёмный бубен). Изд. Русское Творчество. Б. 1922.

Бесприютная. Изд. Е. Гутнов. Б. 1922.

Корявка. Изд. Е. Гутнов. Б. 1922.

Петушок. Изд. Мысль. Б. 1922.

Глаголица. Святочная повесть.*

В поле блакитном. Изд. Огоньки. Б. 1922.

Баранки. Рассказы.*
Бык-Корова. Тюремная эпопея.*
Зга. Волшебные истории.*
Вереница. Рассказы о свете человеческого.*
Мара. Изд. Эпоха. Б. 1922.
Шумы города. Изд. Библиофил. Ревель. 1922.
"Бедовая доля". Сны.*
Цепь золотая. Страды мира.*
Трава-мурава, Изд. Ефрон. Б. 1922.
Пляс Иродиады. Изд. Трирема. Б. 1922.
"Гнев Ильи пророка".*
Русские повести.*
Сказки русского народа сказанные Алексеем Ремизовым:
Докука и балагурье. Изд. З.И. Гржебина. Б. 1923.
Русские женщины. Изд. Drei-Masken-Verlag. München (Печатается).
Русская вера. Изд. Orchis-Verlag. München (Печатается).
Посолонь.*
Красные поигрунки.*
Сказки обезьяньего царя Асыки. Изд. Русское Творчество. Б. 1922.
К Морю-Океану.*
О горе злосчастном. Сказка. Изд. А.С. Смирнова. Б. 1922.
Заветные сказки.*
Чакчгыс-таасу. Сказ сибирский. Изд. Скифы. Б. 1922.
Лалазар. Сказ кавказский. Изд. Скифы. Б. 1922.
Ё. Сказ тибетский. Изд. Русское Творчество. Б. 1922.
Бесовское тридействие.*
Русалия. Изд. З.И. Гржебина. Б. 1922.
Царь Максимилиан.*
Крашенные рыла. Изд. Грани. Б. 1922.
Огненная Россия. Изд. Библиофил. Ревель. 1921.
Ахру. Изд. З.И. Гржебин. Б. 1922.
Россия в письменах. Изд. Геликон. Б. 1922.
"Веретейка". В роде стихов.*
"Всеобщее восстание". Временник.*
Розановы письма.*

Die Schwestern im Kreuz. Übersetzt von Fega Frisch. Georg Müller Verlag. München. 1913.
Prinzessin Mymra. Novellen und Traume. Übersetzt von Alexander Eliasberg. Gustav Kiepenheuer Verlag. Weimar. 1917.
Legenden und Geschichten. Übersetzt von Arthur Luther. Kurt Wolff Verlag. Leipzig. "Der Jüngste Tag". Band 60/61.
Russische Frauen. Übersetzt von Alexander Eliasberg. Drei-Masken-Verlag. München. 1923.
Křížové sestry. Přeložil Lad. Ryšavý. Knihy dobrých autorů Kamilla Neumannová. Praha-Olšany. 1916.
Pátá jizva. Přeložil Lad. Ryšavý. Nakladatelství Aloise Srdce. Praha. 1919.
Apokryfy. Přeložil Lad. Ryšavý. Vydává Stanislava Jilovská. Praha. 1920.

А еще на каком языке что есть, я не знаю.

Б. ПИЛЬНЯК

Бурное вступление Бориса Пильняка в литературу связывалось в сознании современников с особой атмосферой революционной эпохи. Широкую известность принес Пильняку его роман *Голый год*, рукопись которого была передана Б.Пастернаком М.Горькому, одобтившему и рекомендовавшему его к печати (см. автобиографическую заметку Б.Пильняка в *НРК*, 1922, № 2, стр. 42). Апогей славы Пильняка относится к 1922–1923 году, когда до того почти неизвестный молодой провинциальный прозаик становится олицетворением основных черт современной России, символом глубокого исторического перелома в культурном национальном сознании. (О том, что этот период прошел "под знаком Пильняка", позднее говорил Г.Горбачев, *Современная русская литература*, М.-Л., 1931, стр. 132). В начале 1922 года вместе с молодым, дебютировавшим в 1917 г., поэтом А.Кусиковым Пильняк был командирован в Берлин (Кусиков в Советскую Россию не вернулся). Их прощальный визит в Петербург упоминается в мемуарах М.Слонимского